

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXX
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ВОСТОЧНЫЙ ГИНДУКУШ

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

М. С. Пелевин

ДИАЛЕКТ БАНДАРИ ЮЖНОГО ИРАНА

На диалекте *бандари* (*bandarī*) говорит коренное население Бендер-Аббаса, административного центра провинции Хормозган, и его окрестностей. Число носителей диалекта указать сложно даже исходя из приблизительных данных об общей численности населения города (около ста тысяч человек), поскольку в последнее время население Бендер-Аббаса значительно пополнилось приезжими, не владеющими и не стремящимися овладеть местным диалектом.

Диалект *бандари* используется его носителями главным образом в бытовом общении между собой. Во всех иных сферах жизнедеятельности господствует персидский язык. Влияние последнего, обусловленное ускорившейся интеграцией города в экономическую структуру страны, сильно сказывается и на грамматическом строе, и на лексике *бандари*. Диалект является бесписьменным, ибо на нем не выходят периодические или другие издания, хотя самими носителями при необходимости для бытовых записей (например для передачи текста популярной песни на диалекте) применяется персидская графика. Подобные записи представляют собой явную транслитерацию, и в них усматривается некоторая системность. Ежедневно по местному каналу телевидения транслируется краткая, десяти-двадцатиминутная информационная передача на *бандари* с обзором городских новостей или рассказом об интересных событиях из истории города. Такого же рода небольшие программы иногда передаются и по радио.

Большой популярностью у населения Бендер-Аббаса пользуется местное песенно-музыкальное творчество, своеобразное по мелодике, ритмике, тематике и манере исполнения, но в то же время имеющее общие черты с песенно-музыкальной культурой других областей иранского и арабского побережья Персидского залива. Широкое хождение имеют магнитофонные, преимущественно любительские, записи песен, исполняемых на диалекте в сопровождении традиционного ансамбля, состоящего из волынки (*ney-ambūn*), духового (*joftī*), струнного (*'ūd*) и ударных (*dohol, kaser*) инструментов. Большое число этих записей относится к 70-м гг. Из современных официальное распространение получила только одна запись трех песен на *бандари* с фестиваля народного творчества «Фаджр» («Заря»). Общей особенностью фольклора *бандари* является

присутствие в нем морской тематики, хотя в настоящее время, судя по упомянутой записи, больше поощряются революционно-патриотические темы.

Бандари относится к юго-западной группе иранских языков (начальный *у > j, *jema* 'одежда', ир. **yāmaka*; *ʁ > s, *āvus* 'беременная', ир. * *āriṣā*; *z > d, *dumār* 'зять', ир. **zāmātar*; *vāč- > g(a)-, *ageyt* 'он говорит') и имеет сходные фонологические, морфологические и лексические особенности с диалектами Фарса (*somyūnī*, *māsarmī*, *būringūnī*, *pāpūnī*), Ларестана (*lāri*, *gerāši*, *bastakī*, *xonjī*, *avazī*, *bixūyī*, *banārūyī*), Бешагерда (северный и южный *baškardī*), диалектом кумзари (*kumzārī*). О состоянии изученности этих диалектов см.: [Lecoq, 1989, p. 341—343; Skjærvø, 1989, p. 363—369].

О существовании *бандари* как самостоятельного диалекта впервые упоминает И. Гершевич [Gershevitch, 1965, p. 219, n. 2]. Позднее он же сообщает о распространенности в Бендер-Аббасе диалекта *авазу* (*avazī*), являющегося родным для выходцев из Аваза (Ларестан) [Gershevitch, 1970, p. 225, 233—234]. В работе Р. О. Skjærvø [1989, p. 369] отмечена статья S. H. Razavi «*Lahje-ye mahalli-ye Bandar-e 'Abbās*», содержащая «несколько глагольных парадигм и краткий список слов».

Бандари находится в тесном окружении других малоизученных или вообще не упоминаемых в иранистической литературе диалектов, которые географически распространены на территории между Ларестаном и Бешагердом. К востоку от Бендер-Аббаса на местных диалектах говорит население Минаба [Gershevitch, 1970, p. 225, 232—234; Skjærvø, 1975], Рудана (современный Дехбарез) [Gershevitch, 1970, p. 225], Менуджана. К северу распространен диалект *хаджабади* (*hājīābādī*), к юго-востоку — диалект *ленгеи* (*lengeī*). Известны также островные диалекты *хормози* (*hortozī*) [Skjærvø, 1975], *кешми* (*qeštī*) и *киши* (*kišī*). Имеющиеся материалы по диалектам *минаби* и *хормози* позволяют объединить их с диалектом *бандари* в самостоятельную подгруппу диалектов Хормозгана.

Записи по диалекту *бандари* были сделаны мной летом 1994 г. в Бендер-Аббасе. Обстоятельства позволили мне воспользоваться услугами только одного информанта, местного жителя Х. П. 29 лет, поэтому приводимые сведения могут частично нести на себе отпечаток индивидуальных особенностей речи информанта.

Фонетика

Вокализм. Фонемный состав *бандари* включает семь гласных-монофтонгов (*a*, *ā*, *i*, *e*, *o*, *u*, *ū*) и дифтонг *ey*. Схема артикуляции гласных фонем соответствует той, что известна для диалекта *лари* [Катиока, Yamada, 1979, p. X]. Количественная характеристика гласных фонем по признаку устойчивости и неустойчивости, как и во многих современных иранских языках, имеет второстепенное значение. К устойчивым относятся *ā*, *i*, *ū*, к неустойчивым — *a*, *e*, *o*, *u*.

Исторические соответствия вокализма *бандари* с вокализмом средне-персидского и классического персидского языков могут быть представлены следующим образом:

$a > a$ $\bar{a} > \bar{a}$ $i > e$ $\bar{i} > i$ $\bar{e} > i$
 $u > o/u$ $\bar{u} > u/\bar{u}$ $\bar{o} > \bar{u}$

Отражение в *бандари* исторических гласных *u* и \bar{u} отличается некоторой нерегулярностью. Гласный *u* в одних случаях сохраняется (*dux* 'дочь', *duz* 'вор'), в других переходит в *o* (*sorx* 'красный', *dom* 'хвост'). Исторически долгий гласный \bar{u} обычно артикулируется в *бандари* как \bar{u} (*múšk* 'мышь', *dūd* 'дым', *būden* 'становиться'), но иногда нерегулярно сохраняет свою качественную характеристику (*xub* 'хороший', *pul* 'деньги', *bāhuš* 'разумный'). Аналогичное явление просматривается также в диалектах Фарса и Ларестана. Это может быть как следствием внутреннего незаконченного развития вокализма диалектов, так и результатом влияния современного персидского языка.

В словах арабского происхождения краткий гласный *u* отражается, как правило, той же фонемой *u* (*nusrat* 'победа', *dunūā* 'мир'), а долгий \bar{u} — фонемой \bar{u} (*mašyūl* 'занятый').

К иным фонетическим соответствиям относятся следующие:

$a > e$ в любой позиции: *kenār* 'край', *deryā* 'море', *āhen* 'железо', *duzex* 'ад', *nem* 'влага'; в арабских словах — *sedā* 'возглас', *servat* 'богатство';

$\bar{e} > e$ в глаголе *rexten* 'лить, сыпать', ср.-перс. *rēxtan*, и в слове *renehk* 'лоб', ср.-перс. *pēšānik*;

$\bar{a} > u$ в позиции перед носовыми: *jum* 'чаша', *xuna* 'дом', *munden* 'оставаться';

$a > u$ в соседстве с губными: *buhār* 'весна', *suvār* 'всадник', *juvāb* 'ответ';

ablāb > **oulau* > \bar{u} : *šū* 'ночь', лар. *šou*, кл. перс. *šab*; *xū* 'сон', лар. *xou*, кл. перс. *xāb*; *hū* 'вода', кумз. *hau*, лар. *ou*, кл. перс. *āb*; *nūk* 'внук', ср.-перс. *nabag*.

В некоторых словах, исторически имеющих двухсогласное начало, возникает протетический гласный *e*: *eškāl* 'дичь', ср.-перс. *škarag*; *eškasten* 'ломать', ср.-перс. *škastan* (*u* в слове *uškum* 'живот', вероятно, является результатом ассимиляции). В середине слова на стыке согласных может появляться вставной *a*: *risamun* 'веревка', кл. перс. *rismān*; *sārabun* 'погонщик верблюдов', кл. перс. *sārbān*.

Дифтонг *ou* в некоторых персидских словах сохраняется, видимо, под влиянием современного персидского языка (*roujan* 'масло'), но в арабизмах переходит в \bar{u} : *mūke* 'время, момент', *tūr* 'образ, вид'.

Консонантизм. В составе согласных *бандари* 22 фонемы: *p*, *b*, *t*, *d*, *k*, *g*, *č*, *j*, *m*, *n*, *f*, *v*, *s*, *z*, *y*, *x*, γ , *h*, *š*, *ž*, *l*, *r*. В области консонантизма можно отметить следующие характерные явления:

— падение конечных согласных преимущественно в односложных словах: *zū* 'быстро', кл. перс. *zūd*; *pa* 'после', кл. перс. *pas*; *pi* 'перед', кл. перс. *piš*; *ya* 'один', кл. перс. *yak*; \bar{a} 'тот', кл. перс. $\bar{a}n$;

— падение *d* на стыке основ в слове *rūxāna* 'река', кл. перс. *rūdxāna*, и после *z*: *nazik* 'рядом', кл. перс. *nazdik*; *duz* 'вор', кл. перс. *duzd*;

— отсутствующий в *бандари* увулярный *q* в заимствованных словах обычно заменяется заднеязычным *k* (*karz* 'долг', *mekdār* 'количество', *karāvul* 'фазан'), а на конце слов после гласного, как правило, переходит

в щелевой *x* (*šallāx* 'кнут', *kāčāx* 'контрабанда', но *kāteγ* 'мясной соус', *kāšek* 'ложка');

— интервокальный *b* имеет тенденцию перехода в *v*: *āvus* 'беременная', ср.-перс. *ābustān*; *āvela* 'оспа', кл. перс. *ābila*; *bāvā* 'батюшка', кл. перс. *bābā*; *taver* 'топор', кл. перс. *tabar*;

— *š* > *h* в слове *čehem* 'глаз', кл. перс. *čašm*;

— *d* > *r* в словах *dumār* 'зять', кл. перс. *dāmād*; *derang* 'ребро', кл. перс. *danda*;

— сохранение исторических согласных: *mūd* 'волос', ир. **mauda*, ср.-перс. *mōy*; *borg* 'бровь', ср.-перс. *būrg*, кл. перс. *ābrū*; *estak* 'косточка', ср.-перс. *ast(ag)* 'кость', кл. перс. *hasta*;

— *v* > *g*^(w): *gin-* осн. наст. вр. *diden* 'видеть', ср.-перс. *wēn*; *gūz* 'шершень', лар. *biz*, ср.-перс. *wabz*; *g*^(w)*ak* 'лягушка', ср.-перс. *wak*, лар. *bok*;

— сохранение группы *x^w* в словах *x^wah* 'сестра', ср. перс. *xwahar*, кл. перс. *xāhar*; *x^waš* 'хороший', ср.-перс. *xwaš*, кл. перс. *xūš*.

— смычные *d*, *t* на месте щелевого *y* в словах *hamsāda* 'сосед', кл. перс. *hamsāya*; *dāti* 'мачеха', кл. перс. *dāya*;

— случаи ламбдаизма: *eškāl* 'дичь', кл. перс. *šikār*; *espül* 'селезенка', кл. перс. *supurz*; *divāl* 'стена', кл. перс. *divār* — и ротацизма: *sixūr* 'дикобраз', кл. перс. *sixūl*;

— протетические согласные *h* в *hū* 'вода', кл. перс. *āb*, и *x* в *xars* 'слеза', ср.-перс. *ars*;

У слов, оканчивающихся на гласный, в случае присоединения изафета, окончания множественного числа и местоименных энклитик, появляются (восстанавливаются?) согласные *y*, *v*, *n*: *vā zarba(v)o-(y)e šamšir* 'ударами сабли', *šū(v)-eš* 'ее муж', *dūsto-(n)um* 'мои друзья'.

Морфология

Существительное. Значение неопределенности и единичности выражается постпозитивным показателем *-i*, который часто сопровождается числительным *ya* 'один': *tū ya šahr-i* 'в одном городе', *ya mard-i* 'некий человек', *čārek-i čan* 'сколько стоит один *чарак* (мера веса. — М. П.)?'.

Суффиксальный показатель определенности *ū*, представленный в различных фонетических вариантах в диалектах Фарса, Ларестана, *кум-зари*, в *бандари* употребляется редко: *berār-e gap-ū Kāsum num-eš hasta* 'старшего брата звали Касум'.

Окончание множественного числа для всех существительных, одушевленных и неодушевленных, в большинстве случаев звучит как открытый *o*: *zapo* 'женщины', *aspo* 'лошади', *gadūko* 'кувшины'. В отдельных случаях оно по звучанию приближается к гласному *ū* (*sekkavū* 'монеты'), но при односложных словах с *ū* четко ему противопоставляется (*rūzo* 'дни', *lūvo* 'губы'). Под влиянием персидского языка иногда могут появляться окончания *-ān* (*mā čūkān-e xalījī* 'мы ребята с залива') и *-hā* (*āfarin bar sepāhā* 'слава войскам').

В атрибутивных сочетаниях связь определяемого с определением осуществляется через изафетный показатель -е: *bāes-e marg-e šiv-e me* 'причина смерти моего мужа'. Встречаются случаи отпадения изафета (обычно после гласного): *sedā xo* 'свой голос'.

К числу характерных для *бандари* словообразовательных суффиксов относятся:

-*ük*: *mürük* 'муравей', кл. перс. *mūr*; *poštük* 'горб', *pošt* 'спина'; *farfariük* 'юла', совр. перс. *ferfere*; *damük* 'веер', *dam* 'дуновение';

-*ak*: *čürak* 'цыпленок', совр. перс. *jüje*; *ādamkašak* 'водоворот' (от *ādam* 'человек' и *kaš-* осн. наст. вр. глагола *kašiden* 'тянуть, тащить'); *šastak* 'шелчок пальцами', *šast* 'большой палец';

-*i*: *jofti* 'дудка', *joft* 'пара' (одна из разновидностей *jofti* состоит из двух трубок); *marzi* 'водосток', м. б. от *marz* 'край, граница';

-*ü*: *jikü* 'качели', *jik xorden* 'качаться'; *küčükü* 'малыш', *küček* 'маленький'; *singü* 'краб', пашто *čingāš*;

-*eγ*: *sareγ* 'крик животного' наряду с *sarra*; вероятно, также в словах *küley* 'кашель', *güsey* 'чихание';

-*ang*: *derang* 'ребро', кл. перс. *danda*; *koludang* 'гнездо, нора', лар. *kot*, хон. *kwaze*.

Прилагательное. Сравнительная степень образуется с помощью суффикса *-te(r)*: *hiv-e garmte* 'более теплая вода', *i ketāb garteren* 'эта книга больше', а превосходная степень — с помощью суффикса *-terin*: *küčekterin liho* 'самые маленькие сети'.

Числительные в *бандари* употребляются те же, что и в современном персидском языке. Исторический гласный сохраняется в *ya* 'один' и *šaš* 'шесть'.

Местоимение. Формы личных местоимений представлены в таблице.

Т а б л и ц а

Лицо	Формы личных местоимений					
	тонические		энклитические		проклитические	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1	<i>me</i>	<i>mā</i>	<i>-um</i>	<i>-umü/-emü</i>	<i>um-, ma-</i>	<i>mā-</i>
2	<i>to</i>	<i>šomā</i>	<i>-ut/-et</i>	<i>-utü/-etü</i>	<i>et-, ta-</i>	<i>tā-</i>
3	<i>ü</i>	<i>āšü/üşü</i>	<i>-uš/-eš</i>	<i>-ušü/-ešü</i>	<i>i-, ša-</i>	<i>šā-</i>

Энклитические местоимения выполняют функцию притяжательных местоимений (*gadük-ušü* 'их кувшин'). Энклитика 3-го лица единственного числа *-i* обычно фигурирует в сочетании с возвратным местоимением *xo(d)*: *ü xod-i* 'он сам', но иногда употребляется параллельно с *-uš/-eš*: *šiv-i* и *šiv-eš* 'ее муж'.

Проклитические местоимения используются в посессивной конструкции с глаголом *hasten* 'быть, иметься' для выражения значения принадлежности-обладания (*singü um-ha* 'у меня есть краб', *xuna mā-hasta*

'у нас был дом'), а также в спряжении глаголов в качестве показателей лица и числа субъекта: *dūs bey ū xurmā um-dā* 'вчера я дал ему фиников', *āšū sedā šā-šnūt* 'они услышали голос', *či ta-vā* 'что ты хочешь' (подробнее см. ниже). Проклитики единственного числа *um-*, *et-*, *i-* и *ta-*, *ta-*, *ša-* отличаются по сфере употребления: первые используются в конструкции наличия и в спряжении переходных глаголов в простом прошедшем и преждепрошедшем времени, вторые — в спряжении всех глаголов в прошедшем длительном времени и в спряжении глагола *vāsten* 'хотеть' в настоящем времени. Проклитические местоимения примыкают непосредственно к глаголу или префиксу отрицания *na* (*čiz-i i-na-goft* 'ничего не сказал').

Указательные местоимения ближней степени *i* и дальней степени *ā* иногда могут выступать в роли личных местоимений: *i ra* 'он ушел'.

Возвратное местоимение *xo(d)* употребляется как самостоятельно, так и в сочетании с энклитиками — *xod-um*, *xod-et*, *xod-i* / *xod-uš*, *xod-emū*, *xod-etū*, *xod-ešū* — в значениях 'сам' (*me xod-um i kār akunum* 'я сам это делаю'), 'себя, себе' (*vā xod-i i-goft* 'себе сказал'), 'свой' (*suāl-o-pors-e xo* 'свои расспросы'). Со значением 'сам' местоимение *xo(d)* употребляется только постпозитивно.

Вопросительные местоимения: *ke* 'кто', *če* 'что', *čan* 'сколько', *kam* 'какой, который' (кл. перс. *kadām*, сомг. *kam*).

Определительные: *har* 'каждый, всякий', *hama* 'весь, все' (с определяемым сочетается без изафета: *hama mardom* 'все люди', *hama ketāb* 'вся книга').

Неопределенные: *hič* 'какой-нибудь' (с отрицательной формой глагола — 'никакой, ничто'), *ka(s)*, *kas-i* 'кто-нибудь' (с отрицательной формой глагола — 'никто').

Н а р е ч и я: места — *ijā* 'здесь', *ājā* 'там' (бур. *ijā*, *ūjā*), *lard* 'вне, снаружи'; времени — *amrūz* 'сегодня', *amšū* 'сегодня ночью', *dūs* 'вчера', *parir* 'позавчера', *sabā* 'завтра', *passabā* 'послезавтра'; образа действия — *itūkā* 'так, таким образом'.

Глагол. Глагольные формы образуются от основ настоящего и прошедшего времени. Некоторые из основ при спряжении подвергаются стяжению или усечению, что является характерной особенностью всех родственных диалектов южной группы. Основы двух глаголов — *kardunden*, *kard-* 'бросать' и *kaften*, *ka-* 'падать' — отличаются от тех, что употребляются в современном персидском языке (*andāxtan*, *andāz-* и *oftādan*, *oft-*), но известны в диалектах *сомгуни* (*karz-* 'бросать, стрелять' [Mann, 1909, С. 36]), *лари* (*kev/keb*, *kat/ket* 'падать' [Молчанова, 1982, с. 425, 426]) и *кумзари* (*keft/kuft* 'он упал' [Thomas, 1930, р. 29]). Значительные фонетические изменения претерпела основа прошедшего времени глагола *hunden* 'идти' (лар. *onda*, хон. *honda*, совр. перс. *āmadan*). Глагол иметь (совр. перс. *dāštan*) в *бандари* отсутствует, и вместо него используется конструкция наличия с глаголом *hasten*. Глагол *būden* сохраняет в *бандари*, как и в диалекте *лари*, свое старое значение 'становиться', а употребляемый в этом значении в современном персидском *šodan* отсутствует (старое значение глагола *šudan* 'идти, уходить', сохраняющееся в *лари*, в *бандари* передается только глаголом *raften*). Основы настоящего времени глаголов 'приходить' и 'приносить' при образовании

форм настоящего-будущего времени имеют начальный согласный *t*- (*atāt* 'идет', *atārum* 'несу'), который, возможно, сопоставим с превербом *da*-, употребляемым в аналогичных случаях в *лари* [Молчанова, 1982, с. 429, 430], либо является неэтимологическим. Глагол *dāden* 'давать' в повелительном и сослагательном наклонениях имеет преверб *hā*- (*hādā* 'дай', *bāya hādeyt* 'мы должны дать').

Изъявительное наклонение представлено глагольными формами настоящего-будущего, ближайшего будущего, настоящего продолженного, простого прошедшего, преждепрошедшего и прошедшего длительного времени.

Настояще-будущее время образуется от основы настоящего времени с помощью префикса *a*-, известного в диалектах Ларестана и Бешагерда, и личных окончаний: *-um*, *-i*, *-(e)t*, *-im*, *-i*, *-an/-en*. Формы 2-го лица единственного и множественного числа совпадают:

	<i>diden, gin</i> 'видеть'		<i>nehāden, nos</i> 'класть'	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1 л.	<i>aginum</i>	<i>aginum</i>	<i>anosum</i>	<i>anosim</i>
2 л.	<i>agini</i>	<i>agini</i>	<i>anosi</i>	<i>anosi</i>
3 л.	<i>aginet</i>	<i>aginan</i>	<i>anaset</i>	<i>anosan</i>

Подобным образом спрягаются все глаголы, у которых основа оканчивается на согласный. Если основа оканчивается на гласный, то при присоединении личных окончаний происходит стяжение гласных:

<i>rafien, ra</i> 'идти, уходить'		<i>hunden, (t)ā</i> 'идти, приходить'		<i>būden, bū</i> 'становиться'	
<i>aram</i>	<i>areym</i>	<i>atām</i>	<i>ateym</i>	<i>abūm</i>	<i>abim</i>
<i>arey</i>	<i>arey</i>	<i>atey</i>	<i>atey</i>	<i>abi</i>	<i>abi</i>
<i>areyt</i>	<i>aran</i>	<i>atāt</i>	<i>atān</i>	<i>abūt</i>	<i>aban</i>

Глагол *vāsten* 'хотеть' спрягается с помощью проклитических местоимений:

<i>ma-vā</i>	<i>mā-vā</i>
<i>ta-vā</i>	<i>tā-vā</i>
<i>ša-vā</i>	<i>šā-vā</i>

Отрицательные формы образуются с частицей *na*-, которая стягивается с префиксом *a*-: *nāram* 'не уйду', *nāginet* 'не видит'.

Ближайшее будущее время (*futur immédiat*) образуется сочетанием вспомогательного глагола *hunden* и смыслового глагола в формах настоящего-будущего времени: *atām aninum* 'я [сейчас] сяду', *atān arasen* 'они [сейчас] придут'.

Настоящее продолженное время аналогично диалектам *лари* и северному *баишкарди* образуется от причастия прошедшего времени (основа прошедшего времени с окончанием *-a*) посредством префикса *a-* и личных окончаний, соответствующих глагольной связке:

<i>nevešten</i> 'писать'		<i>raften</i> 'уходить'	
<i>aneveštum</i>	<i>anevešteym</i>	<i>araftum</i>	<i>arafteym</i>
<i>aneveštey</i>	<i>aneveštey</i>	<i>araftey</i>	<i>araftey</i>
<i>anevešten</i>	<i>anevešten</i>	<i>araften</i>	<i>araften</i>

Эта видовременная форма аналогична персидской — *dārad miravad* 'он идет' — и обычно передает длительность действия в момент речи: *me kār akerdum* 'я [сейчас] работаю', *kas-i ke dumbāl-eš agardidey xodum-um* 'тот, кого ты ищешь, я сам и есть'.

В простом прошедшем и преждепрошедшем времени переходные и непереходные глаголы имеют разные системы спряжения. У непереходных глаголов показателями числа и лица выступают личные окончания, а у переходных — проклитические местоимения (*um-*, *et-*, *i-*, *mā-*, *tā-*, *šā-*).

Прошедшее время непереходных глаголов образуется от основы прошедшего времени с помощью личных окончаний. В 3-м лице единственного числа окончание нулевое, а основа часто усеченная:

<i>rasiden</i> 'достигать'		<i>raften</i> 'уходить'	
<i>rasidum</i>	<i>rasidim</i>	<i>raftum</i>	<i>raftim</i>
<i>rasidi</i>	<i>rasidi</i>	<i>rafti</i>	<i>rafti</i>
<i>راسي</i>	<i>rasidan/rasiden</i>	<i>را</i>	<i>raftan/raften</i>

У переходных глаголов к основе прошедшего времени, часто усеченной, а иногда имеющей окончание *-en* (инфинитив?), присоединяются проклитики:

<i>borden</i> 'нести, уносить'		<i>diden</i> 'видеть'	
<i>um-bord(en)</i>	<i>mā-bord(en)</i>	<i>um-di</i>	<i>mā-di</i>
<i>et-bord(en)</i>	<i>tā-bord(en)</i>	<i>et-di</i>	<i>tā-di</i>
<i>i-bord(en)</i>	<i>šā-bord(en)</i>	<i>i-di</i>	<i>šā-di</i>

Примеры форм 1-го лица единственного числа других глаголов:

kerden 'делать' — *um-ke(rd)(en)*

zaden 'бить' — *um-za*

dāden 'давать' — *um-dā*

goften 'говорить' — *um-goft/um-gū*

vārden 'приносить' — *um-vārd(en)*

У глаголов *ešnūten* 'слышать' и *ešnāxten* 'знать, узнавать' формы 3-го лица единственного числа имеют следующий вид: *šešnūt* и *šešnāxt*.

Очевидно, здесь произошла контаминация двух типов проклитик под влиянием корневого *š* или восстановление этимологического *š*.

Преждепрошедшее время образуется у непереходных глаголов присоединением суффикса *-ar*, известного в северном *башкарди*, и личных окончаний к причастию прошедшего времени. Форма 3-го лица единственного числа представлена чистым причастием:

<i>kaften</i> 'падать'		<i>hunden</i> 'приходить'	
<i>kaftarum</i>	<i>kaftarim</i>	<i>hundarum</i>	<i>hundarim</i>
<i>kaftari</i>	<i>kaftari</i>	<i>hundari</i>	<i>hundari</i>
<i>kafta</i>	<i>kaftaren/-an</i>	<i>hunda</i>	<i>hundaren/-an</i>

Переходные глаголы образуют преждепрошедшее время присоединением проклитик к причастию прошедшего времени:

<i>dāden</i> 'давать'		<i>ešnūten</i> 'слышать'	
<i>um-dāda</i>	<i>mā-dāda</i>	<i>um-ešnūda</i>	<i>mā-šnūda</i>
<i>et-dāda</i>	<i>tā-dāda</i>	<i>et-ešnūda</i>	<i>tā-šnūda</i>
<i>i-dāda</i>	<i>šā-dāda</i>	<i>šešnūda</i>	<i>šā-šnūda</i>

Редко, вероятно под влиянием персидского языка, указанные формы преждепрошедшего времени сопровождаются причастием прошедшего времени вспомогательного глагола *būden*: *sardasta-ye duzo duz-i ke rū dar-e xuna-ye 'Ali Bābā nešuna i-zada būda kotak i-za* 'главарь разбойников побил того разбойника, который поставил метку на дверях дома Али Бабы'.

Преждепрошедшее время обозначает законченное действие, предшествовавшее другому действию в прошлом, обычно выраженному глагольной формой простого прошедшего времени (см. пример выше). Кроме того, как и в персидском языке, оно может использоваться с неизъявительным значением в предложениях нереального условия, также выражая предшествование одного действия другому: *aga nāma et-nevešta mūm-et xūšhāl ša-bū* 'если бы ты написал письмо, твоя мать обрадовалась бы'.

Прошедшее продолженное время образуется у непереходных и переходных глаголов одинаково присоединением проклитик *ma-*, *ta-*, *ša-*, *mā-*, *tā-*, *šā-* к основе прошедшего времени, которая, как и в формах прошедшего времени, может быть усеченной или иметь окончание *-en*:

<i>raften</i> 'уходить'		<i>vārden</i> 'принести'	
<i>ma-ra</i>	<i>mā-ra</i>	<i>ma-vārden</i>	<i>mā-vārden</i>
<i>ta-ra</i>	<i>tā-ra</i>	<i>et-vārden</i>	<i>tā-vārden</i>
<i>ša-ra</i>	<i>šā-ra</i>	<i>ša-vārden</i>	<i>šā-vārden</i>

Иногда проклитики присоединяются к причастию прошедшего времени: *har če ke ba fekr-i ša-rasida ša-goft* 'он говорил все, что ему пришло на ум'.

Прошедшее продолженное время обозначает длящееся или повторяющееся действие в прошлом: *û dār jam ša-kerd-o ša-forūxt va zendegi-ye saxt-i ša-gozarund* 'он собирал дрова, продавал их и вел тяжелую жизнь'. Оно может также передавать значение деепричастия при глаголах в простом прошедшем времени: *sarey ša-za dāxel-e xuna ra* 'крича, он вошел в дом'. Кроме того, глагольные формы прошедшего продолженного времени, как и в персидском языке, употребляются в условных предложениях: *aga ba šahr mā-ra dūst-umū mā-di* 'если бы мы поехали в город, то увидели бы нашего друга'.

Глагольная связка и глагол *hasten* 'быть' имеют следующие формы:

		наст. вр.		прош. вр.	
-um	-im	<i>hastum</i>	<i>hastim/hastem</i>	<i>hastarum</i>	<i>hastarim</i>
-i	-i	<i>hasti</i>	<i>hasti</i>	<i>hastari</i>	<i>hastari</i>
-en	-an	<i>ha</i>	<i>hastan</i>	<i>hasta</i>	<i>hastaren/-an</i>

При сочетании с отрицанием на стыке гласных появляется вставной *h* или образуется дифтонг. Отрицательные формы глагола *hasten* в настоящем времени менее употребительны:

глагол-связка		<i>hasten</i>	
<i>nehum/neum</i>	<i>nehim/neym</i>	<i>nistum</i>	<i>nistim</i>
<i>nehi/ney</i>	<i>nehi/ney</i>	<i>nisti</i>	<i>nisti</i>
<i>nehen/nin</i>	<i>nehan/nean</i>	<i>nisten/nisto</i>	<i>nistan</i>

Подобно глаголу *hasten* в двух временах — настоящем и простом прошедшем — спрягаются глаголы состояния *nešten* 'сидеть', *vustāden* 'стоять', *xāften* 'спать'. Личные формы этих глаголов образуются в настоящем времени от основы прошедшего времени присоединением личных окончаний, соответствующих связке, а в прошедшем времени — от причастия прошедшего времени с суффиксом *-ar* и личными окончаниями:

наст. вр.		прош. вр.	
<i>vustādum</i>	<i>vustādim</i>	<i>vustādarum</i>	<i>vustādarim</i>
<i>vustādi</i>	<i>vustādi</i>	<i>vustādari</i>	<i>vustādari</i>
<i>vustāden</i>	<i>vustādan</i>	<i>vustāda</i>	<i>vustādaren</i>

Сослагательное наклонение представлено имперфектными и малоупотребительными перфектными формами. Имперфектные формы образуются от основы настоящего времени с приставкой *be-lbo-* и личными окончаниями:

<i>kerden</i> 'делать'		<i>raften</i> 'уходить'		<i>hunden</i> 'приходить'	
<i>bokunum</i>	<i>bokunim</i>	<i>beram</i>	<i>bereym</i>	<i>beyām</i>	<i>beyeym</i>
<i>bokuni</i>	<i>bokuni</i>	<i>berey</i>	<i>berey</i>	<i>beyeu</i>	<i>beyeu</i>
<i>bokunet</i>	<i>bokunan</i>	<i>bereyt</i>	<i>beran</i>	<i>beyāt</i>	<i>beyān</i>

Глаголы с превербами или отрицанием *na* приставки *be-/bo-* не имеют: *bāya ya mekdār-i bey düsto-mü hādeym* 'мы должны дать немного нашим друзьям', *to atūni čiz-i nagey* 'ты можешь ничего не говорить'.

Глагол *büden* может образовывать имперфектные формы сослагательного наклонения с основами *bü-* и *baš-*: *ke rahbar-umü bobüt xurram* 'чтобы наш вождь стал счастливым', *bāya ya jāy-i kāyem bašum* 'надо мне где-нибудь спрятаться'.

Имперфектные формы сослагательного наклонения употребляются в *бандари*, как и в современном персидском языке, после модальных глаголов *vāsten* 'хотеть', *tūnesten* 'мочь', неизменяемой формы *bāya* 'быть должным' и в различных типах придаточных предложений, чаще всего придаточных цели: *ya piremard pinadüz xabar i-kerd tā beyāt-o jun-e kākā-š bodüzet* 'он позвал старика-сапожника, чтобы тот пришел и зашил [в мешок] тело его брата'.

Перфектные формы сослагательного наклонения, как и в персидском языке, образуются сочетанием причастия прошедшего времени смыслового глагола и личных имперфектных форм сослагательного наклонения вспомогательного глагола *büden* с основой *baš-*: *to kas-i ašnāsi ke tāza puldār büda bašet* 'знаешь ли ты кого-нибудь, кто недавно стал богатым'; *ü dorüy gofta bašet* 'вероятно, он солгал'.

Повелительное наклонение представлено формами второго лица единственного и множественного числа, которые образуются от основ настоящего времени с помощью приставки *be-/bo-*. Формы множественного числа имеют окончание *i*. В глаголах с превербами и отрицанием *ta* приставка *be-/bo-* отсутствует. Некоторые примеры:

büden — *baš, baši*

kardunden — *bekard, bekardi*

vārden — *beyā, beyāri*

hunden — *bodü* (от *düviden* 'бегать'), *biyey*

dāden — *hādā, hādey*

raften — *bera, berey*

geften — *bege, begir*

Пассивная конструкция со вспомогательным глаголом *büden* используется редко: *tü rüznāma gofta abüt* 'в газете говорится'; *dar-e tamām-e xunavo nešuna zada büda* 'двери всех домов были помечены'. Смысловый глагол в таких конструкциях имеет, как и в персидском языке, форму причастия прошедшего времени, а вспомогательный — необходимую личную временную форму.

Из неличных глагольных форм в *бандари* наиболее употребительны инфинитивы, имеющие окончание *-en*. Являясь именем действия, инфинитивы выступают в предложении в качестве различных

именных членов: *sedā-ye tāzunden-e čan tā asp šešnūt* 'услышал топот нескольких лошадей', *sargarm-e ešmorden-e sekkavo būden* 'они занялись подсчетом монет'.

Причастия прошедшего времени на *-a* в основном используются для образования личных глагольных форм, а причастия настоящего времени встречаются только как заимствованные из персидского языка субстантивированные формы (*nevisanda* 'писатель', *dānā* 'знаток').

Предлоги: *a, ey* — исходно-отложительные: *a aspo zir hunden* 'сошли с лошадей', *mekdār-i ey ü vāgirim* 'возьму немного из него'. Используются также при сравнении: *a ü gapter-en* 'старше его'.

ba — направления движения или действия: *ba hayāt ra* 'вышла во двор', *ba sina-ye ü i-za* 'ударила его в грудь'.

bey — направленности на адресат действия: *sekkavo-ye talāh bey ā zan i-dā* 'дал той женщине золотые монеты', *bey ü hamla šā-kerd* 'они напали на него'; направления движения: *bey ā pel düvi* 'побежал в ту сторону'. Выполняет также функцию отсутствующего в *bandaru* послелого *-rā*, оформляя конкретно-определенные прямые дополнения: *bey me akošan* 'они убьют меня', *düş bey ü mā-di* 'вчера мы видели его', *bey Kāsum ba yār et-feresta* 'ты послал Касума в пещеру'.

tā — предела во времени и пространстве: *tā dü rüz bad* 'в течение следующих двух дней'.

vā — совместности: *vā mā zendegi bokun* 'живи с нами' — и инструментальности: *mard-i ke vā zarbavo-ye šamšir košta būda* 'человек, который был убит ударами сабель'.

Среди большого числа отыменных предлогов наиболее употребительны предлоги нахождения и направления *rū* 'на' и *tū* 'в', обычно сочетающиеся с именем без изафета: *tū ya šahr-i* 'в одном городе', *janāza-ye berār rū xar i-nehā* 'положил на осла тело брата'. Как правило, изафет теряют предлоги, оканчивающиеся на гласный, в том числе и в случаях отпадения конечного согласного: *jelü sang-e gap-i* 'перед большим камнем', *pahlü mā* 'около нас', *rū-ba-rü xo* 'перед собой', *pi šüv-i* 'к своему мужу', *ba tara xuna xo* 'к своему дому'. В *bandaru* употребителен также изафетный предлог *gar* 'рядом', отсутствующий в современном персидском языке: *gar-e dast-e me benin* 'сядь рядом со мной'.

Союзы в *bandaru* аналогичны тем, что употребляются в современном персидском языке: сочинительные *va, o* 'и', *yā* 'или', *vali* 'но'; подчинительные *ke* 'чтобы', 'потому что', 'когда', *tā* 'чтобы', 'до тех пор пока', *aga* 'если'.

Лексика

Значительная часть лексики *bandaru* аналогична лексике современного персидского языка. Иногда в *bandaru* отдается предпочтение тем синонимам, которые менее употребительны в литературном персидском: *kāsapošt* 'черепаха' (= *lākpošt*), *gazer* 'морковь' (= *havij*), *nāštā* 'завтрак' (= *sobhāne*), ар. *matbax* 'кухня' (= *āšpazxāne*). Некоторые слова имеют в

бандари иное или дополнительное значение: *xiyār* 'дыня', 'огурец', *küdü* 'арбуз'.

Помимо слов собственно иранского происхождения (*berār* 'брат', *duxt* 'дочь', *süz* 'зеленый', *čehem* 'глаз', *borg* 'бровь', *hü* 'вода', *šü* 'ночь', *müšk* 'мышь', *taver* 'топор' и др.) в *бандари* имеется немало заимствований, например из английского и арабского языков: *lanč* 'деревянное судно' (англ. *launch*), *kākruk* 'таракан' (англ. *cockroach*), *tüvāl* 'полотенце' (англ. *towel*), *čāglit* 'шоколад' (англ. *chocolate*), *tüfa* 'племя, народ' (ар. *ṭā'ifa*), *magrāz* 'ножницы' (ар. *miqrād*) и др.

Широко представлена в *бандари* профессионально-отраслевая лексика, связанная главным образом с двумя традиционными занятиями местных жителей — морским рыболовным и торговым промыслом и культивированием фиников. Эта лексика включает многочисленные названия представителей морской фауны, рыболовных и корабельных снастей, термины, относящиеся к выращиванию финиковых пальм и уходу за ними (например, финик в зависимости от стадии созревания имеет пять названий: *xamal* 'зеленый финик', *kung* 'пожелтевший финик', *dum-rāzg* 'созревший финик на пальме', *ratab* 'спелый финик, снятый или упавший с пальмы', *xurtā* 'финик как готовый к употреблению или переработке продукт').

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

англ. — английский	лар. — лари
ар. — арабский	совр. перс. — современный персидский
бур. — бурингуни	сомг. — сомгуни
ир. — общеперсидский	ср.-перс. — средне-персидский
кл. перс. — классический персидский	хон. — хонджи
кумз. — кумзари	

Литература

- Керимова, 1982: Керимова А. А. Диалекты Фарса // Основы иранского языкознания. Ново-иранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. С. 316—363.
- Керимова, 1997: Керимова А. А. Фарса диалекты // Языки мира. Иранские языки. I: Юго-западные иранские языки. М., 1997. С. 177—191.
- Молчанова, 1982: Молчанова Е. К. Ларский язык // Основы иранского языкознания... М., 1982. С. 364—446.
- Молчанова, 1997: Молчанова Е. К. Ларская группа диалектов // Языки мира... С. 174—177.
- Молчанова, 1997а: Молчанова Е. К. Кумзари язык/диалект // Языки мира... С. 191—193.
- Мошкало, 1997: Мошкало В. В. Башкарди группа диалектов // Языки мира... С. 194—198.
- Ромаскевич, 1945: Ромаскевич А. А. Лар и его диалект // Иранские языки. I. М.; Л., 1945. С. 31—86.
- Eqtedārī, 1334/1955: Eqtedārī A. Farhang-e lärestāni. Tehran, 1334/1955. На перс. яз.
- Floyer, 1882: Floyer E. A. Unexplored Balūchistan. London, 1882.
- Gershevitich, 1959: Gershevitich I. Travels in Bashkardia // Journal of the Royal Central Asian Society. 1959. Vol. 46. P. 213—225.

- Gershevitch, 1962: *Gershevitch I. Outdoor terms in Iranian // A locust's Leg. Studies in honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962. P. 76—84.*
- Gershevitch, 1964: *Gershevitch I. Iranian chronological adverbs // Indo-Iranica. Mélanges présentés à Georg Morgenstierne. Wiesbaden, 1964. P. 78—88.*
- Gershevitch, 1964: *Gershevitch I. Dialect variation in early Persian // Transactions of the Philological Society. 1964 (1965). P. 1—29.*
- Gershevitch, 1970: *Gershevitch I. The crushing of the third singular present // W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970. P. 161—174.*
- Gershevitch, 1973: *Gershevitch I. Genealogical descent in Iranian // Bulletin of the Iranian Culture Foundation I. 1973. P. 71—86.*
- Gershevitch, 1977: *Gershevitch I. Višāra // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977. С. 62—69.*
- Gershevitch, 1985: *Gershevitch I. Philologia Iranica / Selected and edited by N. Sims-Williams. Wiesbaden, 1985.*
- Kamioka, Yamada, 1979: *Kamioka K., Yamada M. Lārestāni studies 1. Lāri basic vocabulary. Tokyo, 1979.*
- Kamioka, 1986: *Kamioka K., Rahbar A., Hamidi A. A. Lārestāni studies 2. Comparative basic vocabulary of Khonjī and Lāri. Tokyo, 1986.*
- Koelz, 1983: *Koelz W. N. Persian diary, 1939—1941. Ann Arbor, 1983.*
- Lecoq, 1989: *Lecoq P. Les dialects du sud-ouest de l'Iran // Compendium Linguarum Iranicarum / Herausgegeben von R. Schmitt. Wiesbaden, 1989. P. 341—349.*
- Mann, 1909: *Mann O. Kurdisch-Persische Forschungen 1. Die Tājīk-Mundarten der Provinz Fārs. Berlin, 1909.*
- Morgenstierne, 1946—1948: *Morgenstierne G. Balochi miscellanea // Acta Orientalia. 20. 1946—1948. P. 253—292.*
- Morgenstierne, 1958: *Morgenstierne G. Neu-iranische Sprachen // Handbuch der Orientalistik. Abt. I. Bd. IV. Iranistik. Abschn. 1. Linguistik. Leiden; Köln, 1958. P. 155—178.*
- Skjærvø, 1975: *Skjærvø P. O. Notes on the dialects of Minab and Hormoz // Norsk tidsskrift for Sprogvidenskap. 29. 1975. № 1. P. 113—128.*
- Skjærvø, 1989: *Skjærvø P. O. Languages of Southeast Iran: Lārestāni, Kumzārī, Baškardī // Compendium Linguarum Iranicarum... P. 363—369.*
- Thomas, 1930: *Thomas B. The Kumzari dialect of the Shihuh tribe, Arabia, and a vocabulary / Asiatic Society Monographs. Vol. XXI. London, 1930.*